

ISSN 2073-6606

TERRA ECONOMICUS

12
ТОМ
2014

1
номер

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ РЕНОМЕ ПЕТЕРА КОЗЛОВСКИ
(ПРЕДИСЛОВИЕ К СТАТЬЕ П. КОЗЛОВСКИ «ТЕОРИЯ ЭТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ КАК
КУЛЬТУРНЫЕ, ЭТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ:
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭТИКА И ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ»)**

М.А. КОРЫТЦЕВ,

доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: makorytsev@sfedu.ru

**METODOLOGICAL RENOMMÉE OF PETER KOSLOWSKI
(SCIENTIFIC EDITOR'S PREFACE TO THE TRANSLATION OF THE ARTICLE
BY P. KOSLOWSKI «THE THEORY OF ETHICAL ECONOMY AS A CULTURAL, ETHICAL,
AND HISTORICAL ECONOMICS: ECONOMIC ETHICS AND THE HISTORIST CHALLENGE»)**

M.A. KORYTSEV,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Department of Economic Theory, Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: makorytsev@sfedu.ru

JEL classification: B41, B52, B53.

Настоящим введением представляем на суд нашего читателя перевод статьи немецкого философа и экономиста Петера Козловски. Разрешение на ее публикацию было получено редакцией в 2012 г., незадолго до неожиданной скоропостижной кончины автора¹. В России, наверное, как и в мире в целом, Петер Козловски известен как специалист, развивавший теорию так называемой «этической экономики», проводивший исследования в области теории этического поведения² в современной экономике. Делал он это, опираясь на солидный теоретико-методологический багаж прежде всего европейской теоретической мысли. Представляемая здесь работа, опубликованная в сборнике «Contemporary Economic Ethics and Business Ethics» (Koslowski, 2000), где он выступил также в качестве редактора, может быть отнесена к одной из его позднейших работ, по сравнению, по крайней мере, с его трудами по этической экономике, которые издавались в Европе в 80-е и в России, соответственно, в 90-е гг. прошлого столетия.

Настоящая работа, хотя, как свидетельствует ее название, также имеет отношение к основной для автора теме его профессиональных исследований – этической экономики, в то же время во многом касается именно прояснения методологических позиций автора в связи с разрабатываемой им теоретической концепцией. С одной стороны, это связано с дополнительными возможными сложностями в понимании читателем ее содержания; однако одновременно это также представляет интерес для прояснения вопроса относительно того, как соотносится авторская концепция с позициями ряда экономических школ, прежде всего, с так называемым «неоклассическим мэйнстримом», австрийской экономической теорией (в ее трактовках Карлом Менгером и Людвигом фон Мизесом) и немецкой исторической школой. Вместе с тем, статья проясняет отдельные аспекты известных

¹ Годы его жизни: 1951–2012.

² В России его основные труды были опубликованы в 90-х гг. прошлого столетия. См., например: (Козловски, 1996; 1999).

методологических споров, которые вели представители этих направлений в прошлом. И здесь мы сталкиваемся с оригинальной позицией автора, по поводу которой следует также привести ряд дальнейших пояснений.

Оригинальность эта выражается, наверное, прежде всего в том, что автор не заявляет о своей безусловной принадлежности ни к одной из перечисленных школ в вопросах понимания природы и особенностей экономической деятельности – базовом вопросе, характеризующем, как заявили бы в российском научном сообществе экономистов, предмет и объект экономической теории. Хотя в целом его исследования ведутся в русле продолжения традиции немецкой исторической школы, присутствуют и отдельные его оригинальные суждения. В частности, уже в начале статьи он указывает на своеобразное «первенство» экономической сферы деятельности и, соответственно, отражающее ее «первенство» экономической науки среди сообщества социально-гуманитарных наук, которое выражается в высокой степени квантификации, т. е. способности количественно представлять результаты деятельности, в том числе – легкости количественного выражения успешности реализации именно экономической деятельности. По мнению П. Козловски, это подтверждает то, что экономической науке должен быть присвоен ранг науки более развитой. Трудно здесь воздержаться от комментария, что позиция Козловски здесь близка к принятию именно математического идеала развития науки, что хотя и находится в согласии с позицией некоторых ученых и методологов науки, отнюдь не является бесспорным.

Понятно, что методологические вопросы анализа состояния предмета и метода экономической науки сами по себе имеют чрезвычайно обширный характер, здесь они рассматриваются автором лишь в определенном, актуальном для него контексте – в частности, при соотношении собственно экономического и исторического, т. е. разрешении того, в какой степени исторические факторы, одновременно с совокупностью «культурных» факторов, способны влиять непосредственно на содержание экономической деятельности, что должно быть отнесено к предмету экономической теории.

Этот вопрос и ряд смежных с ним вопросов относительно того, как следует характеризовать экономическую деятельность вообще, автор рассматривает в контексте оппозиции таких течений экономической мысли, как австрийская и историческая школы. Напомним, что целой вехой в истории экономической науки стал так называемый «спор о методе», который был инициирован заочной полемикой, возникшей между родоначальником австрийской экономической школы Карлом Менгером и видным представителем немецкой исторической школы Густавом Шмоллером³, был подхвачен их последователями и касался обсуждения вопроса об основных методологических принципах, на которых должны базироваться собственно экономические исследования. Вкратце отметим, если позиция К. Менгера тогда состояла в том, что экономическое исследование должно быть основано на положениях строгой теории, из которой могут дедуктивно выводиться следствия применительно к исследуемым хозяйственным явлениям, то Г. Шмоллер подчеркивал, что современное (на тот момент) состояние экономической науки не позволяет сформировать адекватную экономическую теорию, которая действительно бы носила универсальный для различных национальных хозяйственных систем характер и могла бы играть роль фундаментальной теории, в своей основе объясняющей экономику (хозяйство) как таковое. Шмоллер не отрицал, что создание подобной теории могло бы быть неким желанным продуктом исследовательских усилий экономистов, но, одновременно, настаивал на том, что экономическая теория далека от подобного идеала. Более того, «подбираться» к такому идеалу она могла бы лишь посредством проведения необходимого детального эмпирического анализа исторического опыта хозяйствования, посредством которого могут быть выявлены удовлетворительные для исследователей и адекватные изучаемой реальности теоретические концепты. В противном случае, «универсальные экономические теории» представляют собой для Шмоллера лишь схоластические схемы, которые даже в принципе не способны пройти эмпирическую проверку, т. к. исследователи способны, располагаясь произвольно эмпирической (особенно количественной) информацией, приводить различные толкования, стремясь обосновать с ее помощью собственные теоретические построения. Адекватность теоретических построений возможна лишь на основе детальной и многосторонней проработки исследователями получаемой эмпирической информации, в ее количественном и качественном аспектах.

³ Журнал «Terra economicus» в 2011 г. осуществлял публикацию одной из статей Густава Шмоллера (*Шмоллер, 2011*), представлявшую аргументацию немецкой исторической школы в рамках данной полемики. Аргументация Карла Менгера по этому вопросу на русском языке представлена в частности в: (*Менгер, 2005*).

Что касается позиции Петера Козловски, то в целом он, конечно, более склонен поддерживать аргументацию исторической школы (если рассматривать контекст указанного методологического спора, различные аспекты которого затрагиваются в данной публикации, в широком смысле). Во-первых, это связано с его готовностью поддержать необходимость отнесения совокупности культурных и исторических факторов, определяющих особенности экономической деятельности, собственно к предмету экономической науки, в отличие от позиции неоклассиков и австрийской школы, принципиально выносящих подобные факторы за рамки предмета своей науки.

Во-вторых, это вопрос о соотношении рациональной деятельности и хозяйственной деятельности человека вообще, в самом широком ее понимании. Здесь Козловски подробно разбирает позицию Мизеса⁴ как верного продолжателя школы Менгера, развившего учение о праксиологии – универсальной теории о рациональной деятельности индивида, реализуемой, прежде всего, в экономической сфере. Как отмечает Козловски, позиция Мизеса здесь основывалась на принципе априоризма, исходящем из того, что принцип рациональности в хозяйственном поведении должен рассматриваться как заданный изначально. По Мизесу, индивид неизбежно руководствуется этим принципом и вытекающим из него принципом экономического расчета, как человек, преследующий собственную выгоду, понимаемую в самом широком смысле слова, включая, например, и альтруистические формы поведения, которые при этом осмыслены индивидом и приняты им как выгодные, или приемлемые для него самого. Собственно, свои возражения по поводу позиции Мизеса П. Козловски иллюстрирует здесь с помощью взятого им из формальной логики принципа непротиворечивости, который он использует как аналогию. В частности, он указывает на то, что, согласно законам логики, всякие суждения должны соответствовать данному принципу непротиворечивости, но в действительности это наблюдается далеко не всегда, т. е. рассуждения многих людей могут быть логически противоречивыми в жизни. Точно так же и принцип экономического расчета не всегда реализуется в повседневной хозяйственной жизни индивидов, не говоря уже о том, что степень его проявления тоже может быть самой разной, что может зависеть, например, от образования и воспитания, доминирующих форм культуры в конкретном социуме и прочее. То есть далеко не всякое человеческое действие является действием одновременно и рациональным, и основанным на экономическом расчете, как предполагал Мизес. Козловски ссылается на цитату, согласно которой Мизес даже предлагал исключить из распространённого словосочетания «рациональная деятельность» прилагательное «рациональная» как излишнее и избыточное, поскольку всякое действие человека рационально.

Возможно, будет интересно познакомиться с дальнейшим развитием Петером Козловски этого вопроса в данной статье, где он также приводит соответствующую аргументацию Поппера и Витгенштейна. В конечном счете, он делает вывод, что на практике свести все многообразие проявлений экономической активности к собственно рациональным действиям невозможно. Кроме того, в соответствии с традицией немецкой исторической школы, Козловски подчеркивает важность для экономистов исследовать конкретные обстоятельства и причины трансформации экономических проявлений, хотя природа этих причин может быть и не экономической, но относиться к традиционным сферам для исследований социологов или культурологов. Этот же момент следует учитывать и при исследовании вопросов, связанных с экономической этикой.

В этой связи, по мнению Козловски, «этическая экономия... развивает теорию понимающей экономики, направленной на объяснение экономической культуры», и должна быть ориентирована на применение специфических гуманитарных методов исследования; в частности, он говорит о необходимости применять герменевтический метод, разработанный Дильтеем, Шпрангером и Гадамером.

Далее автор подчеркивает важность исследования экономистами различных форм экономической культуры (культуры потребления и производства), которые могут отражать культурную специфику отдельных культурных и цивилизационных ареалов⁵.

В завершение автор акцентирует внимание также на соотношении правовых и этических норм, указывая, что отчасти их сферы взаимно пересекаются. Таким образом, этическая экономия как социально-гуманитарная дисциплина сама превращается в ярко выраженную полипредметную сферу исследований на границе экономики, права, морали, социологии и культуры, направленную на изучение общественных явлений, учитывающих совокупность взаимовлияния разнообразных факторов социального порядка, природа которых существенным образом различается.

⁴ Собственное изложение позиции Л. фон Мизеса см. в его фундаментальном труде (*Мизес, 2000*).

⁵ Петер Козловски в этой связи использует характерные для традиции немецкой социальной философии термины «объективный дух общества», «национального (наднационального) духа», «духа времени» и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

Козловски П. (1996). Этика капитализма. Эволюция и общество: критика социобиологии». СПб.: Экономическая школа.

Козловски П. (1999). Принципы этической экономики. СПб.: Экономическая школа; Гос. ун-т экономики и финансов, Высшая школа экономики.

Менгер К. (2005). Исследование о методах социальных наук и политической экономии в особенности / В кн.: Менгер К. (2005). Избранные работы. М.: Изд. дом «Территория будущего», с. 289–450.

Мизес Л. (2000). Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. М.: Экономика.

Шмоллер Г. (2011). К методологии общественно-политических и социальных наук // *Terra Economicus*, т. 9, № 3, с. 31–49. Доступно на: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/10/26/1267244108/Terra%209.3-4.pdf>.

Koslowski P. (2000). The Theory of Ethical Economy as a Cultural, Ethical, and Historical Economics: Economic Ethics and the Historist Challenge, pp. 3–15 / In Koslowski P. (ed.) (2000). Contemporary Economic Ethics and Business Ethics. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 266 p.

REFERENCES

Koslowski P. (1996). Ethics of capitalism. Evolution and Society. An Assessment of Sociobiology. Saint Petersburg: Ekonomicheskaya Shkola Publ. (In Russian.)

Koslowski P. (1999). Principles of Ethical Economy. Saint Petersburg: Ekonomicheskaya Shkola Publ.; State University of Economics and Finance Publ.; Higher School of Economics Publ. (In Russian.)

Menger C. (1883). Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaften und der politischen Ökonomie insbesondere. (Rus. ed.: On the method of social sciences and political economy in particular [Issledovanie o metodah sotsialnykh nauk i politicheskoy ekonomii v osobennosti] / In Menger C. (2005). Collected works. Moscow: «Territoriya budushchego» Publishing House, pp. 289–450).

Mises L. von (2000). Human Action: a treatise on economics. Moscow: Ekonomika Publ., 878 p. (In Russian.)

Schmoller G., von (2011). Zur Methodologie der Staats- und Sozial-Wissenschaften. *Terra Economicus*, vol. 9, no. 3, pp. 31–49. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/10/26/1267244108/Terra%209.3-4.pdf>. (In Russian.)

Koslowski P. (2000). The Theory of Ethical Economy as a Cultural, Ethical, and Historical Economics: Economic Ethics and the Historist Challenge, pp. 3–15 / In Koslowski P. (ed.) (2000). Contemporary Economic Ethics and Business Ethics. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 266 p.